

Тим Шармэн

После расширения: новые уроки новой Европы

Итак, Ирландия проголосовала, и великий вздох облегчения пронесся от Лиффи до Вислы. Могущество и действие демократии продемонстрированы небольшой, но яркой нацией, чьей самой крупной «промышленной» отраслью до ее присоединения к Европейскому Союзу был экспорт труда. По правде говоря, ирландский референдум стал своего рода показательным выступлением программы, поскольку политическое решение о расширении Европейского Союза в восточном направлении было принято задолго до его проведения. Смесь прагматизма, идеологии и глубокого чувства исторических несправедливостей подразумевала, что для переговоров осталась открытой лишь зона мелкой печати. Мелкой печати, составляющей тем не менее примерно 80000 страниц устава ЕС, Великой Хартии ядерных масштабов.

Для молодого поколения стран, которые за десятилетие создали общество свободного предпринимательства и насладились им, формальное вступление в ЕС было делом долгим. А они уже ведут себя так, будто им принадлежит весь мир, работая в многонациональных компаниях, покоря обширные пространства в бизнесе и в удовольствии, жадно изучая языки и готовясь эксплуатировать любые возможности, какие только и где только мир им ни предоставит. Для их же блага! Ибо именно они нужны Европе, которой требуются их свежие силы, новые идеи, новые амбиции и рост конкуренции для поддержки поднявшейся на цыпочки экономики ЕС. «Наклонившейся вперед», как сказали бы американцы.

Однако не призрачные тени завтрашних проблем увидит на переднем плане тот, кто более проницателен и обладает более долгим опытом и более широким видением. Чем обширнее становится Союз, чем прозрачнее его повседневное

действие, тем неотложнее становится необходимость еще раз открыть глаза и подумать о многих более важных проблемах. А они многочисленны и разнообразны – от неизбежного демографического старения европейского населения до неэффективности многих промышленных отраслей, широкой брюссельской бюрократии, искажения субсидий, вопиющей нужды в более чем когда-либо гибкой, образованной и подвижной рабочей силе и неизбежном притоке иммиграции внутрь ЕС. Есть и неизменные политические вопросы, в течение пятидесяти лет затенявшиеся застоєм «холодной войны», о том, к примеру, что именно является собственно Европой? И какое новое видение будет направлять нас в начавшемся процессе расширения ЕС?

Идеологические и экономические ответы, кажется, уже готовы: это свободные рынки, свободное предпринимательство, свобода торговли, свободно мыслящие демократические государства. А что с географией? С 1989 центр тяжести Европы решительно переместился в восточном направлении, что наиболее ярко было отмечено переездом немецкой столицы в Берлин. Одно это вызвало нервозность, особенно за Пиренеями, у тех, кто опасается, относительно недавно самостоятельно вступив в ЕС, что в результате крена к континенту их потребности и голоса будут поглощены делами и амбициями Центральной Европы. Регионом, который прославился своим, мягко говоря, беспокойным прошлым.

Вообще мне кажется, что большинство людей с легкостью примут Европу, простирающуюся от Атлантики до прежней «линии Керзона», которая почти совпадает с границей, очерчивающей территорию польского господства тысячу лет назад. И несмотря на всю историю и все ужасы Балкан – микрокосм всей нашей истории, – я уверен в том, что большинство граждан сегодняшнего ЕС вполне представляет себе карту Европы, простирающуюся в восточном направлении до Босфора и Черного моря. В конце концов, именно такую карту нам долго показывали в наших школах. Так что же мы имеем в восточном направлении? Или, точнее, что мы можем себе представить? Турцию, на протяжении столетий бывшую смертельным врагом христианского континента и в течение долгого времени числившуюся «инвалидом Европы», что подразумевало, что в Европе она стояла лишь одной ногой? Несомненно, Турция имеет потенциал как связующее звено с беспокойными странами к

востоку от нее. И есть еще Россия – Святая Русь, царская Россия, сталинская Россия, социалистическая Россия, мафиозная Россия, «черная дыра» Збигнева Бжезинского. Забудьте на мгновение, что обе эти почтенные нации прошли процесс своей полной реконструкции и выстроили свой новый позитивный образ, и скажите, смогут ли они когда-либо войти в пределы привычной концепции «Европы»? Или такая номенклатура уже устарела? Не должны ли мы постепенно переходить к концепции «Евразийского Союза»?

Это станет и должно стать темой для дебатов и обсуждения на всех уровнях, но, по правде говоря, гораздо более неотложные проблемы окажутся прямо под рукой до того, как мы охватим Брюссельской системой Балканы. Интеграция таких страстно жаждущих вступления наций, как Польша, Чехия и Венгрия, некогда игравших звездные роли на более ранних этапах европейской истории, будет достаточно трудна технически и юридически, но особенно трудна она будет в эмоциональном плане. И неизбежные проблемы и перемены должны быть поняты и приняты как старыми, так и новыми членами европейского клуба. Новые члены почувствуют на себе политические игры и организационную культуру клуба, диктат экономических возможностей в том, что каждый обязан зарабатывать себе на жизнь в самом фундаментальном смысле слова, а нынешним должностным лицам, которые несомненно будут продолжать думать о ЕС как о «своей» Европе, придется считаться с представлениями и прислушиваться к мнениям эстонцев и жителей Мальты, поляков, венгров и богемцев (если мне будет позволено использовать это великое старое имя, так небрежно выброшенное на свалку истории после 1918 г.).

Пока Ирландия на референдуме определяла свое отношение к Договору Ниццы, Брюссель удивил многих наблюдателей, предложив компромисс в спорной проблеме сельскохозяйственной политики Общего рынка, который был интерпретирован, и не только циниками, как арьергардный бой французов в защиту их фермеров от вновь вступающих членов, с их обширными сельскохозяйственными угодьями. Европейский Союз – это грубое, жесткое место, пригодное лишь для самых крепких персон, ведущих переговоры вместе со своими командами хорошо оплачиваемых экспертов и советников, каждый из которых узко специализирован в одной-двух страницах из всей той массы инструкций, которые и представляют собой правила клуба.

Здесь и коренится одна из проблем. Армии администраторов, марширующие теперь вдоль и поперек Европы, охваченной бесконечной битвой утомленных солдат, рискуют направить свое внимание в сторону от фундаментальных проблем, с которыми сталкивается континент. В контексте быстро меняющейся глобальной экономики реальные проблемы европейцев, способные прогрессировать и препятствовать реальному экономическому росту, процветанию и социальному развитию, заложены в политической корректности.

Недавний скандал из-за использования Романо Проди слова «глупость» в отношении правил бюджета ЕС – тот самый случай. В буквальном смысле миллионы человеко-часов были потрачены на кропотливое составление византийских правил, управляющих политической и экономической жизнью ЕС. Долгие дни и бессонные ночи интеллектуальных усилий, великий труд, тщательно выверенный национальной гордостью и проникнутый тонким компромиссом. Но если вдруг конечный результат оказывается неверным – «глупым», как сказал г. Проди, – об этом и должно быть заявлено публично и должно быть найдено лучшее решение. Экономика Европы и всего более чем когда-либо широкого взаимозависимого мира терпит ущерб, поскольку легион брюссельских экспертов не подлежит оскорблениям, а политические деятели могут продолжать хвалиться своим единством. Все это, по выражению британского экономического комментатора в “Atlantic Monthly” Клива Крука, «в высшей степени европейский бардак».

В этот мир вскоре войдут десять новых членов, каждый с собственной армией экспертов. Неудивительно, что многие настроены скептически. Но никогда не следует забывать, что все происходящее – по сути эксперимент, и потому содержит в себе риск. Любой разумный менеджер знает, что, если допущена очевидная ошибка, лучшее решение состоит в том, чтобы свести потери к минимуму и сменить направление. Создается впечатление, будто политика строится на других принципах. И это – трагедия, поскольку те, кто начал эксперимент, вовсю развернувшийся в сегодняшней Европе, шли на огромный риск, осуществили прыжок веры, основанной на том простом принципе, что на этом континенте больше не должно быть войн.

Так какую же надежду повлиять на ход событий обретут вновь прибывшие, присоединив свои неповторимые голоса к

мечте о завтрашней Европе? Опасность состоит в том, что упомянутые 80000 страниц правил поглотят собой всю их энергию и внимание и собьют с верного пути, тогда как необходимо лишь новое видение того, чем может стать этот удивительный континент. Но здесь кроется и удобная возможность. В странах-новичках есть множество влиятельных людей, еще не ставших циниками в отношении европейского эксперимента, еще не раздавленных брюссельской машиной, еще остающихся энтузиастами подлинного Европейского Сообщества. Они должны получить право голоса, и их должны слышать во всем мире – и особенно в европейских министерствах. И здесь свою лепту смогут внести издатели средств массовой информации, разыскав тех, кто видит новые возможности вне нынешнего «бардака» и может нарисовать правдоподобную картину лучшей Европы, простирающейся прямо за поворотом дороги.

Один из парадоксов состоит в том, что для управления такой сложной структурой вся эта путаница правил и законов представлялась нужной, поскольку многонациональный континент может хорошо исполнять полезную работу по разрушению отрицательных аспектов национализма. Однако существует реальная опасность, что они выведут из строя творческую энергию и новаторство, подобно узам, которыми лилипуты опутали Гулливера. Очевидное решение, по-видимому, лежит в большем вовлечении широких народных масс в участие в европейских делах; но это влечет за собой требования к повышению уровня знаний общества в области истории, политики и экономики. Главная проблема, как мне кажется, в том, чтобы заставить обычных разумных людей понять основные принципы созидания богатства, которые управляют любым обществом, за исключением наиболее изолированных. И именно в этом многие западные общества демонстрируют наиболее явный провал. Ибо пока молодежь учит – пока в нее, на деле, вдавливают – сложные математические формулы, атомный вес всех известных элементов и имена тысячи монархов, редко кто говорит ей про ту единственную страницу книги жизни, которая объясняет, как мы зарабатываем на жизнь в этом безумном и все усложняющемся мире, как создается и организуется сообщество, как вести его к процветанию и прогрессу. Каждый из нас жмет на рычажки и перекладывает бумажки, таким образом нас

используют в течение пятидесяти лет, и лишь очень немногие могут рассказать о том, как работает цельный механизм.

И все же это знание общедоступно, оно непрерывно обсуждалось на протяжении столетий и бесконечно проверялось опытом. Рыночные экономики оказались быстро и радостно восприняты постсоциалистическими обществами – на самом деле то были уже знакомые им маленькие «вольности» серой экономики, для многих делавшие терпимой долгую жизнь при предыдущих режимах. При всех своих недостатках свободное предпринимательство и торговля имеют одно преимущество – они жизнеспособны. Все остальное терпело неудачу. Они создают прибавочную стоимость, созидают благосостояние, возможности и надежду. А любые субсидии, любые тарифы повреждают, искажают экономический и социальный прогресс и наносят ему урон. Как для богатых, так и для бедных.

Намного легче полностью понять эти созидающие благосостояние процессы на фоне общих знаний о мире, которые, похоже, час от часу ужимаются. Такие знания все больше игнорируются преподавателями в наш век специализации. Поэтому мои приоритеты, для следующей и критической стадии нашего социально-экономического развития в рамках расширенного ЕС, включают кампании за распространение экономической грамотности и углубление знания наций и культур вокруг нас. Это должны быть мощные кампании, направляемые правительствами и нацеленные на приумножение глубоких знаний в обществе; и очевидными каналами для достижения этой цели должны, конечно же, послужить и общественные средства информации, и Интернет, равно как и системы образования всех стран. Должна быть создана культура «учебы ради выживания». Образование же, даваемое исключительно ради необходимости получать свидетельства и дипломы, противостоящее реальному и полезному знанию и интегрированному видению мира, – это не решение проблемы, а ее часть.

Согласно американскому Национальному совету по экономическому образованию, необходимы:

Нации людей, обладающих знанием, пониманием и навыками для совершения компетентного экономического выбора.

Студенты, владеющие экономическим мышлением и умением решать проблемы, которые они могут использовать в

жизни как ответственные потребители, производители, сберегатели средств и инвесторы и эффективные участники глобальной экономики.

Служащие, понимающие экономические концепции и экономическое мышление и способные принимать компетентные решения в сфере личных финансов, на рабочем месте и как граждане.

Бизнес будет намного успешнее при развитии новых учебных технологий, управляемых культурой инноваций и соревнования, частью которой они и являются. Творческие силы, такие, например, как Microsoft, Nokia и CNN, лишь за несколько лет оказали массированное воздействие на распространение знаний и взаимопонимания, которые со всей очевидностью зарождались глубоко внутри каждой корпорации при ее развитии. Не могу забыть недавно увиденный телевизионный образ, найденный британским путешественником, в одиночку пересекавшим пустыню Гоби в Монголии и наткнувшимся на уединенное семейство скотоводов. Рядом с традиционной юртой был установлен большой самодельный диск спутниковой антенны и маленький генератор Honda. Внутри юрты детишки смотрели международное телевидение. И ни преподаватели, ни правительственные цензоры, ни местные издатели или редактора не стояли между детьми и тем, что они видели. На следующий год этот верблюжий пастух будет, несомненно, торговать своим домашним скотом через Интернет.

Большая задача общественных лидеров состоит в развитии политических и образовательных структур, идущих в ногу с глобализацией торговли и промышленности и догоняющих, если угодно, подростков-пользователей Интернета и монгольских скотоводов, которые, похоже, не отстают от времени. Вступление Китая во Всемирную Торговую Организацию – значительный шаг принятия этой почтенной и гордой нацией цивилизованного контроля над правильной и регулируемой торговлей. Ибо, если мы вернемся назад, за пределы эпохи современной политики, римских пап, принцев и даже великого переселения народов, то что было главной силой, позволившей человеку говорить с человеком, сообществу взаимодействовать с сообществом? Ответ, я полагаю, – торговля. Древнейшее ремесло. Намного раньше, чем поляки привезли в Северную Европу янтарь, торгуя им от Балтийского моря до страны фараонов, дорога пряностей

связала Персию с Центральной Европой, следуя все еще узнаваемому пути вокруг северных отрогов Карпат, а скандинавские купцы плавали по русским рекам и обживались на них, делая прибыль.

Экономическая история – это великая история, когда ее хорошо рассказывают. Возможно, не Организация Объединенных Наций, а Всемирная Торговая Организация снабдит нас новой международной культурой без границ, которая наконец вытеснит мелкий национализм и культуру страха и зависти, все еще господствующую в низкоразвитых экономиках. Легко высмеивать культуру, отождествляемую с предприятиями быстрого питания и всемирными торговыми брендами, но я согласен принять ее за ту мягкость, которую она несет вместо напряженности, страданий и разрушений, сопровождавших развитие воинственных наций на протяжении второго европейского тысячелетия. Сегодняшняя задача – в создании захватывающей истории завтрашней Европы, основанной на твердом понимании того, как мы пришли в свой сегодняшний день.

С английского перевел А. Горлов
(перевод не авторизованный)